

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ КНИГИ ОЛИВЕРА ПЁТЧА:

СЕРИЯ «ДОЧЬ ПАЛАЧА»

Дочь палача

Дочь палача и черный монах

Дочь палача и король нищих

Дочь палача и ведьмак

Дочь палача и дьявол из Бамберга

Дочь палача и театр смерти

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

Крепость королей. Проклятие

Крепость королей. Расплата

ОЛИВЕР ПЁТЧ

До́чь Па́лаца
и
Театр Смерти

МОСКВА

2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
П29

Oliver Pötzsch

DIE HENKERSTOCHTER UND DAS SPIEL DES TODES

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2016
by Ullstein Taschenbuch Verlag
© Peter Palm, Berlin/Germany

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на суперобложке и переплете В. Аникина

Пётч, Оливер.

П29 Дочь палача и театр смерти / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-90725-0

Якоб Куизль — грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

В 1670 году жители деревни Обераммергау начали репетиции традиционной мистерии Страстей Христовых. Она должна привлечь в здешние края массу паломников, а кроме того, прославить пред Господом благочестие местных жителей. Однако с самого начала самодеятельную труппу словно поразил злой рок — один за другим актеры гибли той же смертью, какая постигла их персонажи. Иисуса нашли распятым, Фому — пронзенным мечом, Иуду — повешенным... В ужасе жители деревни заговорили о Божьей каре. На место странных смертей из Шонгау немедленно выехали имперский советник Лехнер, палач Якоб Куизль и его дочь Магдалена. В отличие от деревенских, они уверены, что все это — дело рук человеческих. И полны решимости выяснить, кому понадобилось еще раз распинать Христа...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90725-0

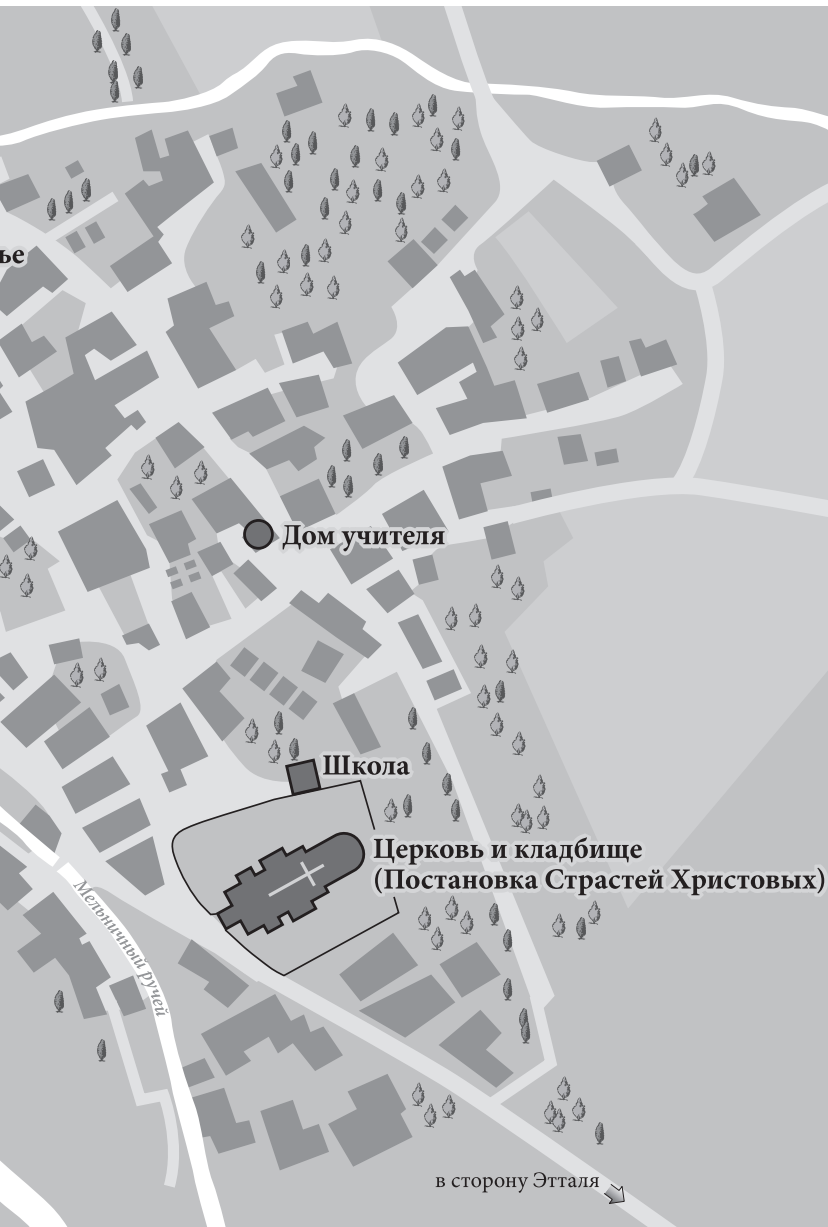
*В память о моей бабушке Гермелинде Вернер,
от которой я впервые услышал о Куизлях
и которая пребывает теперь со своими предками.
Ни один роман не сравнится с ее долгой,
полной приключений жизнью.*

Там пляшет карлик за окном...
Притопнет раз, потом другой,
Встряхнет мешочком за спиной...

*Старинная детская песенка,
в исконном значении
описывающая демона
или похожее на гнома существо*

Обераммергау в 1670 году

ье

● Дом учителя

Школа

Церковь и кладбище
(Постановка Страстей Христовых)

Мелочный ручей

в сторону Этгала

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семейство Куизлей:

Якоб Куизль – палач Шонгау

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – старшая дочь Якоба

Барбара Куизль – младшая дочь Якоба

Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау

Петер и Пауль – сыновья Симона и Магдалены

Георг Куизль – сын Якоба, находится в Бамберге

Жители Шонгау:

Иоганн Лехнер – судебный секретарь

Мельхиор Рансмайер – городской лекарь

Маттеус Бюхнер – первый бургомистр

Якоб Шреефогль – член городского Совета и второй бургомистр

Марта Штехлин – знахарка

Лукас Баумгартнер – извозчик

Жители Обераммергау:

Конрад Файстенмантиль – скупщик и глава Совета Обераммергау

Доминик, Каспар и Себастьян Файстенмантиль – его сыновья

Йоханнес Ригер – судья Аммергау

Тобиас Гереле – священник Обераммергау

Георг Кайзер – учитель и автор текста инсценировки

Адам Гёбль – раскрасчик и член Совета шести
Ганс, Петер и Якобус Гёбль – его сыновья
Урбан Габлер – десятник извозчиков и член Совета
шести
Франц Вюрмзеер – распорядитель извозчиков Оберам-
мергау и член Совета шести
Себастьян Зайлер – управляющий склада и член Сове-
та шести
Августин Шпренгер – мельник и член Совета шести
Ксавер Айрль, Рыжий Ксавер – резчик
Бенедикт Эккарт – настоятель монастыря Этгаль
Алоиз Майер – лесовод из долины Лайнеталь
Каспар Ландес – ныне покойный цирюльник Оберам-
мергау
Рябой Ханнес – помощник учителя
Непомук, Мартль, Вастль – школьники в Оберам-
мергау
Йосси и Максль – батрацкие дети

ПРОЛОГ

*Обераммергау, в ночь на 4 мая 1670 года
от Рождества Христова*

Иисус медленно умирал на кресте, однако в этот раз воскреснуть ему суждено не было.

Стояла крошечная тьма, однако Доминик Файстенмантель сумел различить надгробные плиты, черными угловатыми силуэтами вырисовывавшиеся перед деревянной церковью. Временами оттуда доносился шелест. Доминик полагал, что это вороны сидели на могилах и с любопытством его рассматривали. В долине Аммергау эти крупные хитрые птицы не были редкостью. Гнезда они вили в горах, но, чтобы поохотиться или поклевать падаль, спускались в долину. Доминик содрогнулся.

Если в ближайшее время не подоспеет помощь, он и сам станет такой же падалью.

Юный резчик со стоном попытался выпрямиться, но растянутые сухожилия тут же пронзила нечеловеческая боль. Его крик приглушил кусок грязной тряпки, заткнутый в рот. Юноша с хрипом повис, закашлялся и стал хватать ртом воздух. Но из-под кляпа вырвался лишь хриплый клекот.

«Так вот, значит, как оставил нас Спаситель, — пронеслось у него в голове. — В каких муках! Взвалив на свои плечи мирское бремя... Господи, приди ко мне и спаси!»

Но Господь не являлся. Никто не шел к нему. Несмотря на кляп во рту, Доминик в очередной раз попытался позвать на помощь, хотя стояла глубокая беззвездная ночь и местные жители в большинстве своем спали. Но уж пономарь-то наверняка уже на ногах! Его дом располагался прямо у кладбищенской ограды, рукой подать... Однако, как Доминик ни старался, он лишь хрипел и всхлипывал. Было так холодно, чертовски холодно! Здесь, в альпийской долине, даже майской ночью стоял холод, как в разгар зимы. Одетый лишь в набедренную повязку, юноша висел на кресте под открытым небом, дрожал и зябко ежился. А вороны продолжали его рассматривать.

Если усну, они перелетят на крест. Говорят, глаза мягче всего. Они начнут с глаз. Нельзя... ни в коем случае... нельзя засыпать...

Доминик отчаянно старался отогнать дремоту. В затуманенном сознании кружили обрывки воспоминаний. Воспоминаний о вечерней репетиции. Произнося последние слова Спасителя, он заметил несколько подгнивших перекладин, поддерживающих сцену. Доминик велел Гансу Гёблю, своему ровеснику, исполнявшему роль апостола Иоанна, срочно заменить балки, пока кто-нибудь не пострадал. Однако Ганс лишь закатил глаза и шепнул что-то остальным актерам, отчего те зашлись хохотом. Доминик знал, что вспыльчивый Ганс терпеть его не мог. Он сам жаждал сыграть Иисуса в инсценировке Страстей Христовых, да и многие прочили ему эту роль. Но по решению Совета роль досталась Доминику. Быть может, следовало отказаться? Так захотел его отец Конрад Файстенмантель, скупщик резных изделий. Его решениям в Обераммергау противиться не мог

никто — ни священник, ни старейшины Совета, ни даже собственный сын.

При этом Доминик был близок к тому, чтобы освободиться наконец от отцовской опеки. Он мечтал отправиться в Венецию, а может, и еще дальше, за океан, в Новый Свет, где золото и серебро реками стекали с гор. Если б его план удался, он утер бы нос столь ненавистному и в то же время любимому отцу и распрощался бы с ним навек.

Но его намерение потерпело крах...

Доминик снова попытался выпрямиться и снова повис, хрипло закашлявшись. Деревянная ступенька, которая во время репетиций служила ему опорой, была сломана, в таком положении он едва мог дышать. Юноша дернул толстые веревки, которыми был привязан к кресту, но те оказались крепче проволоки. Все равно он был слишком слаб, чтобы освободиться. Наверное, хватило бы и тонкой бечевки, чтобы удержать его.

Голова до сих пор болела после удара, который нанес ему его мучитель. Взмах за спиной, внезапная боль, обморок — и вот он очнулся, раздетый и озябший, на кресте. Ожившей декорацией взирает со сцены на надгробные плиты, частью еще покрытые снегом.

— Паагии... — выдавил он из-под кляпа, теряя силы от холода. — Паагии... мее...

Приглушенные крики унеслись, подхваченные промозглым ветром, задувавшим в долину с Альп. Дома стояли погруженные во мрак, замычали несколько коров, и ничто больше не нарушало безмолвия. Во дворе Эдерле неожиданно мигнул огонек — должно быть, старик как раз вышел по нужде с зажженной лучиной. От двора до кладбища было не больше десятка шагов, но и они могли показаться сотнями миль.

— Пааггиии... — снова захрипел Доминик.

В сущности, он давно понял, что умрет. Или замерзнет, или еще раньше задохнется. Уже сейчас он едва мог дышать в висячем положении, мысли становились все тяжелее и тяжелее. До сих пор в сознании его удерживало только одно — он узнал своего мучителя. Доминик недооценивал его. Он и предположить не мог, что этот человек способен на такое. То было помешательство, промысел дьявола! Кто-то должен предостеречь общину, дьявол был среди них. Доминик видел безумный блеск в его глазах, должен был понять...

А теперь было слишком поздно.

Со стороны надгробных плит снова донесся шелест. Доминик приоткрыл глаза и увидел несколько темных пятен, которые перелетели на крест и уселись по обе стороны на перекладине.

Каркнуло. Звук этот походил на человеческий голос. По дереву заскрипели когти.

«Отец, отец мой, для чего ты оставил меня?»¹ — успел подумать Доминик.

А потом вороны занялись добычей.

---

¹ Несколько измененные слова Иисуса Христа, произнесенные им на кресте («Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»; Мф. 27:46).

1

*Шонгау, вечер 4 мая 1670 года
от Рождества Христова*

Ткач Томас Цайлингер остекленелым взором следил, как ржавые щипцы грозно приближаются к его губам. Из рта у него тонкой нитью стекала слюна, дрожащие пальцы судорожно стискивали спинку стула. Он открыл рот, снова закрыл. И в конце концов малодушно помотал головой.

— Ду... думаю, надо бы мне еще глотнуть, — пробормотал он. — Мо... можно мне еще маленький глоточек?

Магдалена со вздохом отложила клещи, взяла стеклянный пузырек, стоявший на столе, и осторожно налила в деревянную ложку точно отмеренную порцию.

— Но этого и впрямь уже достаточно, — проворчала она. — Столько териака даже лошадям не дают.

Цайлингер ослабился и показал черный пенек зуба, доставлявшего ему столько хлопот. Магдалена почувствовала запах дешевого шнапса, перемешанного с дымом, которым тянуло от очага. Шаткий, потертый стул служил креслом для процедур, надтреснутая миска — плевательницей для крови. На пошарпанном столе выстроились ряды всевозможных горшочков и склянок, хотя дороже собственноручно приготовленного териака ничего не было. В открытое небольшое окно падали лучи послеполуденного солнца, и в них плясала пыль.